

и оспаривать написанное Пелевиным. Делать это приходилось, разумеется, не вторгаясь в авторский текст. Так появились обширные «Примечания редактора» – 275 комментариев, имеющих самостоятельную ценность. Издательство решило дополнить главы 2015 г. «прелюдией» о «хождении в народ», «интерлюдиями» про «Чигиринский заговор» и «Казус Засулич» и «постлюдий» – разделами из диссертации 1984 г. о деятельности Михайлова в 1879–1880 гг. и печальном finale его жизни. В итоге книга получила законченный вид и составила шестой выпуск в серии «Историко-революционный архив»⁴.

В её обсуждении приняли участие доктора исторических наук В.В. Зверев и О.А. Милевский, а также кандидаты исторических наук М.А. Барабанова, А.В. Воронихин, А.В. Мамонов и Д.И. Рублёв.

Материал подготовил А.В. Мамонов

Олег Милевский: Биография А.Д. Михайлова и проблемы изучения революционного народничества

Oleg Milevsky (Surgut State Pedagogical University, Russia): Biography of A.D. Mikhailov and the problems of studying revolutionary populism

DOI: 10.7868/S3034579025060058

Исследование революционного народничества и особенно народовольчества регулярно сталкивалось с препятствиями и в Российской империи, и в сталинскую эпоху, и после распада СССР. По словам Н.А. Троицкого, «следы такого насилия над историографией народничества сохранялись в СССР до последнего времени. Особенно пострадала при этом “Народная воля”, которую то замалчивали, то бичевали, извращая её теорию, умаляя практику, принижая заслуги. Судьба “Народной воли” трагична вдвойне: сначала она как субъект истории прошла сквозь шквал репрессий со стороны царизма... а потом уже как исторический объект – сквозь тернии предвзятых оценок со стороны историков, вплоть до сегодняшних»⁵. В.Я. Гросул также отмечал, что «в историографии темы весьма часто исследовательский подход подменялся судебно-прокурорским»⁶. Острая критика революционеров историками и публицистами «охранительного» направления продолжается и в настоящее время. Тем не менее в последнее десятилетие появилось несколько солидных биографических работ о народниках 1870–1880-х гг. Они лишены конъюнктурности и написаны на основе широкого круга источников при помощи разных методологических конструктов⁷. В этом ряду находится и книга Ю.А. Пелевина, посвящённая А.Д. Михайлову и его времени.

⁴ Пелевин Ю.А. Александр Михайлов и его революционная эпоха. Т. 1. Этап революционной пропаганды. 624 с., ил.; Т. 2. Этап революционного террора. 416 с., ил. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2024.

⁵ Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С. 268.

⁶ Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 4.

⁷ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов, 2014; Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М., 2016; Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. М., 2017; Дмитриева О.Н. Народоволец Степан Григорьевич Ширяев. Саратов, 2017; Воронихин А.В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века.

Уникальный конспиратор и организатор Михайлов, известный в радикальных кругах как «Дворник», являлся крупной и неординарной личностью. Будучи фактически «человеком № 1» в «Народной воле», он вызывал уважение даже у тех людей, которые разочаровывались в революционных убеждениях. Так, Л.А. Тихомиров, уже став монархистом, писал: «Теперь прошло с тех пор 20 лет, у меня нет иллюзий, и совершенно хладнокровно и убеждённо говорю, что Михайлов мог бы, при иной обстановке, быть великим министром, мог бы совершить великие дела для своей родины»⁸. Впоследствии память о нём сохранила дожившие до свержения самодержавия народовольцы⁹, историки революционного движения¹⁰ и литераторы¹¹.

Пелевин попытался вписать своего героя в контекст 1870-х гг., связав формирование его взглядов и личных качеств с «хождением в народ», которое освещено в книге очень ярко и детально (I, с. 18–169), с привлечением не только опубликованных, но и архивных источников. При этом нельзя сказать, что автор пришёл к каким-то новым выводам по сравнению со своими предшественниками (Б.С. Итенберг, В.Н. Гинёв, Н.А. Троицкий и др.). Во всяком случае, он не смог понять и объяснить природу возникновения народнического «поколения 70-х» гг., заметно отличавшегося от «шестидесятников». По сути, Пелевин просто констатировал, что «трудно сказать однозначно, какими путями мальчики и девочки уходили в революцию» (I, с. 175). К сожалению, слишком лапидарны и его размышления о влиянии книг на мировоззрение Михайлова (I, с. 181). Между тем этот сюжет можно было развернуть, опираясь на письма Михайлова к сестре, приведённые в публикации А.П. Прибылёвой-Корба и В.Н. Фигнер¹², а также реконструировав круг детского чтения (автор прослеживает его только с 14 лет). Следовало бы учесть и изменения в педагогике и семейном воспитании, происходившие в пореформенную эпоху.

Весьма удачно Пелевин воссоздаёт историю «Земли и воли», у историков которой стоял Михайлов. Тщательно анализируя его роль в этой ведущей революционно-народнической организации 1870-х гг., автор уточняет численность провинциальных групп землевольцев, отдельные факты и даты. Справедливо отмечая аполитизм «Земли и воли» и неприятие её членами «капитализма», Пелевин полагал, что «буржуазное общество, основанное на капиталистическом производстве, сумело преодолеть родовые травмы и реализовать подлинные демократические свободы и прочее», тогда как «русские революционеры-разночинцы не могли из своего “далёка” разглядеть благую

М., 2020; *Кан Г.С.* Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М.; Бостон; СПб., 2022. С. 128–230; *Барабанова М.А.* Народоволец Савелий Златопольский. Приложение. С. Златопольский. Показания. Записки. Письма // Архив еврейской истории. Т. 13. М.; Бостон; СПб., 2022. С. 182–265; *Милевский О.А.* Ступени на эшафот. Жизнь и судьба Валериана Осинского, идеолога русского политического террора. СПб., 2023.

⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 130–131.

⁹ Прибылёва-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. М.; Л., 1925; Фигнер В.Н. Александр Михайлов – народоволец // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений в 7 т. Т. 5. М., 1932.

¹⁰ Клевенский М. Александр Дмитриевич Михайлов. М., 1925; Беркова К.Н. А.Д. Михайлов. М., 1926; Троицкий Н.А. Дворник (Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов) // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов, 1999. С. 53–66.

¹¹ Эльсберг Я.А. Михайлов. М., 1935; Давыдов Ю.В. Завещаю Вам, братья... Повесть об Александре Михайлове. М., 1975.

¹² Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 108–112.

перспективу и выбрали ошибочный путь — путь к социализму, тупиковый и утопический во всех вариациях, в том числе и в виде “крестьянского социализма” (I, с. 319). Конечно, реализация данной концепции в 1870-е гг. была невозможна. И всё же представляется, что какие-либо футурологические пророчества тут совершенно неуместны, поскольку теоретический спор о судьбах капитализма и социализма ещё далёк от завершения.

Весьма убедительно описаны в книге контакты Михайлова с раскольниками, о которых ранее скромно упоминали историки. Между тем Пелевин представил пропагандиста человеком, не только знакомым с основами православия и богословской литературой, но и сумевшим стать своим для старообрядцев (I, с. 436–461). Организаторский талант «Дворника», как показал автор, в полной мере раскрылся при восстановлении центра «Земли и воли», разгромленного октябрьскими арестами 1878 г. (II, с. 179–209). Впрочем, говоря о главном герое, исследователь не забывает и о его товарищах по революционной борьбе. Читатель найдёт в тексте запоминающиеся образы А.И. Баранникова, В.И. Засулич, С.М. Кравчинского, С.Л. Перовской, М.Ф. Фроленко и др.

Одна из глав монографии посвящена деятельности Н.В. Клеточникова, внедрившегося по поручению Михайлова в III отделение Собственной е.и.в. канцелярии. В основе её лежит новый архивный материал, существенно дополняющий известные факты. Однако трактовка автором поведения Клеточникова во время следствия вызывает возражения. Как утверждает Пелевин, «на допросах Клеточников выложил всё, что ему было известно. Прежде всего, он выдал самого себя» (II, с. 234). Но затем, после детального анализа, сам исследователь приходит к выводу, что показания Клеточникова повредили только А.Б. Арончику, через которого передавалась информация. Пелевин считает, что для Особого присутствия Правительствующего Сената «этого оказалось достаточно, чтобы присудить Арончику к бессрочной каторге» (II, с. 245). Между тем в книге указано, что властям, благодаря Г.Д. Гольденбергу, уже было известно об участии Арончика «в подкопе для взрыва царского поезда под Москвой в ноябре 1879 г.» (II, с. 241). А это являлось намного более отягчающим обстоятельством. Нельзя забывать и о том, что Клеточников оказался в невыносимых для него условиях и опасался мести со стороны полицейского начальства. Признание же при аресте в собственных противоправительственных действиях, без упоминания других лиц, не нарушило своеобразный «этический кодекс» поведения революционера. К примеру, Михайлов во время предварительного следствия даже написал подробную записку о ходе народнического движения в 1870-х гг. (II, с. 305). К тому же, и сам Пелевин признаёт, ссылаясь на отзыв Михайлова, что на суде Клеточников держался достойно (II, с. 244–245)¹³.

Ещё в кандидатской диссертации 1984 г., пользуясь теми же сведениями, которые товарищ прокурора А.Ф. Добринский сумел получить от Гольденберга, Пелевин реконструировал не сохранившийся устав, выработанный на съезде террористов-политиков в Липецке, и организационные принципы этой группы (II, с. 283), положившей затем начало Исполнительному комитету (ИК) «Народной воли». Тогда же историк пришёл к обоснованному выводу о том, что, оставаясь социалистами, народовольцы в своей программе выдвигали буржуазно-демократические требования.

¹³ См. также: Троицкий Н.А. Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 9. М., 1972. С. 72.

Действительно, многие из них считали, что прежде всего необходимо добиться политической свободы, поскольку эта цель казалась им вполне достижимой. Михайлов уже после ареста писал своим товарищам: «Лозунгом нашим должно стать — минимум желательного, но с максимальной настойчивостью. Земское учредительное собрание при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходок — вот минимум желательного. Для него отдайте все ваши силы, все ваши жизни, и вы воздвигните себе в близком будущем нерукотворные памятники в сердце народа»¹⁴.

Однако в самодержавной России заставить власть пойти хотя бы на минимальные уступки могла только сила, а её-то у революционеров и не было. В неравной борьбе им ничего не оставалось, как браться за оружие и прибегать к политическому террору, надеясь на то, что такая «дезорганизация» ослабит или напугает правительство. Пелевин признаёт, что для партии «это была вынужденная мера, на которую её толкала логика развития революционного движения» (II, с. 289). Вместе с тем, размышая про «Казус Засулич», он отмечает: «В стране отсутствовали правовые механизмы, которые регулировали бы отношения личности и государства. Но беззаконие нельзя ни преодолеть, ни тем более искоренить другим беззаконием. Насилие невозможно победить насилием, ибо суть его останется прежней» (II, с. 91).

Тем не менее в 1905 г. именно брутальное революционное насилие, включая, конечно, крестьянские, рабочие и солдатские волнения, вынудило царя согласиться на преобразование государственного строя. Всё же, как выразился в своё время О.В. Будницкий, «то, что не сработало в 1881 г., получилось в 1904-м. Путь, указанный народовольцами, не оказался дорогой в тупик. Террористическая тактика доказала свою эффективность при определённых исторических условиях и обстоятельствах»¹⁵. Михайлов, похоже, рассчитывал на её успех даже в тюрьме, где продолжал строить планы, склоняясь к тому, что «при политической свободе, кажется, лучше перейти на путь идейной борьбы»¹⁶.

К сожалению, смерть помешала Пелевину завершить работу над книгой и обстоятельно рассказать о собственно народовольческом периоде жизни Михайлова. При этом о тех событиях, в которых он не участвовал, говорится явно избыточно. Так, о «Чигиринском заговоре» Михайлов, видимо, даже не знал. Тем не менее в текст включена особая «интерлюдия» (I, с. 205–235), в которой данный эпизод изложен по уже известным в литературе источникам. К тому же автор не успел учесть статьи, появившиеся в 2013–2015 гг.¹⁷, и допускает не-

¹⁴ Письма народовольца А.Д. Михайлова. С. 217.

¹⁵ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 153.

¹⁶ Письма народовольца А.Д. Михайлова. С. 194.

¹⁷ Терехова С.А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф.Д. Прядко // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. Нижневартовск, 2013. С. 191–193; Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4(25). С. 94–99; Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4(42). С. 114–126; Мауль В.Я. Волнения крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в 1870-е гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития.

мало неточностей, утверждая, например, будто часть крестьян под Чигирином отстаивала «право общинного землепользования» (I, с. 222), тогда как они, по свидетельству киевского губернатора, желали «не общинного владения, а душевого наследственного (или, другими словами, того же участкового), но который был бы отведён через казённых землемеров каждому хозяину на ревизскую душу»¹⁸. В результате, комментарии Г.С. Кана к этому разделу (I, с. 559–561) более интересны и содержательны, нежели сама «интерлюдия».

Излишне затянутой представляется и глава о пропаганде землевольцев среди рабочих (I, с. 462–555). В отличие от Г.В. Плеханова, Михайлов возникает в ней лишь спорадически (на 17 страницах из 93), при том, что если верить В.Н. Фигнер, он «горячо относился к делу рабочих». Правда, ей запомнилось, что «он не посещал рабочих кварталов, но действовал как организатор». Пелевин же показывает, что в 1878–1879 гг. «Михайлов принимал самое деятельное участие» и в агитационных «беседах» с фабричными, и в поддержке забастовщиков, с которыми встречался лично (I, с. 484–486, 497–498, 528). И хотя «Александр Михайлов как последовательный народник также не считал пролетариат самостоятельной силой» (I, с. 476), у него всё же вызывало досаду то, что «влияние землевольцев в рабочей среде было меньшим, чем хотелось» (I, с. 552–553). Однако и эти наблюдения, и конкретные эпизоды стачечной борьбы, в подробностях изложенные автором, хорошо известны в историографии. Конечно, обильная детализация глубже погружает читателя в обстановку конца 1870-х гг., но в итоге возникает ощущение, что в книге много «эпохи» и сравнительно мало самого Михайлова. Возможно, учитывая состояние рукописи Юрия Александровича, издателям вообще не стоило «доводить» её до монографии, а следовало ограничиться подготовкой сборника избранных трудов учёного, включив в него и наиболее интересные фрагменты недописанной биографии «Дворника»?

Книга Ю.А. Пелевина, пытающаяся объять необъятное, не предлагает какой-то новой концепции революционного народничества и во многом развивает идеи В.Я. Яковleva (Богучарского) (I, с. 11). Тем не менее она подталкивает историков к обмену мнениями о неудобных и дискуссионных аспектах, казалось бы, уже давно исследованных проблем и помогает увидеть их новые грани.

Андрей Воронихин: Движение революционных народников в монографии Ю.А. Пелевина

Andrey Voronikhin (independent Researcher, Saratov): The Movement of revolutionary populists in the monograph by Y.A. Pelevin

DOI: 10.7868/S3034579025060061

Научным руководителем Ю.А. Пелевина в Московском университете был профессор М.Г. Седов (1912–1991), известный своей монографией

Материалы всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 2015. С. 123–128; *Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии чигириных крестьян) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Нижневартовск, 2015. С. 251–254.*

¹⁸ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигирищині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 59.